

Крашенинников Андрей Евгеньевич

ПЕРЕКОДИРОВКА ОБРАЗА "SONNENBLUME" В ЛИРИКЕ Г. ТРАКЛЯ

Несмотря на то, что научный интерес к различным сторонам творчества Г. Тракля не ослабевает, некоторые аспекты его поэтики остаются недостаточно изученными. Одним из таких аспектов представляется система образов цветов, играющая важную роль в творчестве и метафизике поэта. В статье рассматривается новаторский характер представления образа подсолнуха в лирике Г. Тракля в контексте истории немецкой литературы. Для сравнения представлен анализ поэтических текстов различных поэтических направлений от протестантской мистики и барокко до натурализма и экспрессионизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 95-99. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

19. **Финансовый словарь. Холдинговая компания** [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/19338 (дата обращения: 30.05.2015).
20. **Ч. 4. Разделение заключенных: касты, масти, разряды. Опущенные** [Электронный ресурс] // Весь сор в одной избе. Библиотека компромата. Компромат.Ru. URL: http://www.compromat.ru/page_24474.htm (дата обращения: 10.09.2015).
21. **Юнг К. Г.** Архетип и символ. М.: Renaisance, 1991. 304 с.
22. **Языкознание: Большой энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е (репринт), изд. 1990 г. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
23. **Lakoff G.** *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 276 p.

REPRESENTATION OF THE ARCHETYPE STATUS IN THE JARGONS OF SOCIAL GROUPS

Klyukina Yuliya Viktorovna, Ph. D. in Philology
Shipovskaya Anna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Tambov State Technical University
shelska@narod.ru

The article is devoted to the analysis of the representation of the archetype STATUS in the jargons of different social groups. The research proves that the concepts of social picture of the world with the feature «high» / «low status», having been formed as a result of metaphorical transfer, are connected with the archetypes. The authors come to conclusion that the archetype STATUS is typical for all pictures of the world, represented in jargons, and in this connection it can be considered as one of the cognitive vectors of social picture of the world formation.

Key words and phrases: cognition; concept; conceptualization; language; metaphor; archetype.

УДК 821.112.2

Филологические науки

Несмотря на то, что научный интерес к различным сторонам творчества Г. Тракля не ослабевает, некоторые аспекты его поэтики остаются недостаточно изученными. Одним из таких аспектов представляется система образов цветов, играющая важную роль в творчестве и метафизике поэта. В статье рассматривается новаторский характер представления образа подсолнуха в лирике Г. Тракля в контексте истории немецкой литературы. Для сравнения представлен анализ поэтических текстов различных поэтических направлений от протестантской мистики и барокко до натурализма и экспрессионизма.

Ключевые слова и фразы: творчество Г. Тракля; поэтика; экспрессионизм; система поэтических образов; новаторство.

Крашенинников Андрей Евгеньевич, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет
kroschke@yandex.ru

ПЕРЕКОДИРОВКА ОБРАЗА «SONNENBLUME» В ЛИРИКЕ Г. ТРАКЛЯ[©]

Обращение любого поэта к той или иной реалии природы всегда привлекает читательское внимание и требует того же от исследователя (см.: [1]). Поэтому естественно, что в контексте нашего исследования лирики немецкого экспрессионизма не остался незамеченным тот факт, что у Георга Тракля (*Georg Trakl*, 1887-1914 гг.) довольно часто встречается образ *Sonnenblume* / подсолнух. Поэт обращается к нему в следующих лирических текстах:

«Die Sonnenblumen», «Sommer. In Sonnenblumen gelb klapperte...», «Im roten Laubwerk voll Guitarren...», «Im Herbst», «In der Heimat», «Unterwegs», «Die Verfluchten», «Sonja», «Abendspiegel» («Afra», 1. Fassung), «Afra» (2. Fassung), «Wind, weiße Stimme...» (1. Fassung), «Wind, weiße Stimme...» (2. Fassung), «Melancholie», «Leise» («Melancholie», 1. Fassung), «Melancholia» («Melancholie», 2. Fassung), «Psalm», «Anblick» («Nachtergebung», 2. Fassung), «Traum und Umnachtung».

И практически ни один поэт экспрессионистского направления не использует этот образ. Исключение, по нашим данным, представляет одно стихотворение Георга Гейма (*Georg Heym*, 1887-1912 гг.) «Verfluchung der Städte V». Если исходить только из этого факта, то можно было бы посчитать, что такое отношение Тракля к образу *Sonnenblume* является чертой его индивидуальной поэтики, а сам образ нет необходимости рассматривать в аспекте единой образной системы экспрессионизма. Конечно, с одной стороны, среди поэтов-экспрессионистов Тракль в одиночку развивает этот образ. Но с другой стороны, результатом такого развития, отразившегося не просто в нескольких стихотворениях, а в восемнадцати текстах, не может не стать переход из количества в качество, и это заставляет, по меньшей мере, задуматься о роли образа *Sonnenblume* в понимании экспрессионистской поэтики в целом.

Если же обратиться ко всей истории немецкой литературы, то и в этом случае восемнадцать лирических текстов Тракля становятся, по меньшей мере, серьёзным фактом для литературоведения: кроме них мы обнаружили немногим более тридцати стихотворений немецких поэтов различных периодов немецкой литературы, где присутствует образ *Sonnenblume*.

Эстетическая палитра образа *Sonnenblume*, сложившаяся в немецкой лирике ко времени экспрессионизма, не очень разнообразная. В основном, это тёплые тона умиротворения, радости, связанные с отражением идеи божественного, жизни, любви.

В стихотворении «Eine Sonnenblume» протестантского мистика и проповедника Герхарда Терстегена (*Gerhard Tersteegen*, 1697-1769 гг.) образ *Sonnenblume* представляется отражением Бога: «Die Sonnenblume liebt das Licht, // Sie will sich stets zur Sonne drehen; // So mußst du Gottes Angesicht, // Willst du nicht irren, auch ansehen» [17, S. 98]. / «Подсолнух любит свет, // Он хочет всегда к солнцу поворачиваться; // Так должен (можешь) ты Бога лик, // Хочешь ты не ошибиться (Не ошибаясь), тоже увидеть (рассмотреть)».

Поэтическая формула *Бог-подсолнух* связана с латинским названием цветка *Helianthus*, что значит *цветок Бога*. У Иоганна Клая (*Johann Klaj*, 1616-1656 гг.), не только яркого поэта эпохи барокко, но и автора многих духовных стихотворений, в оратории «Engel- und Drachen-Streit» находим место, где один из протагонистов, *Поэт*, повествует о Люцифере и его притязаниях на равенство Богу. И в описании Бога, наряду с метафорой *Regenbogen / радуга* есть и метафора *Sonnenblume / подсолнух*: «ja fast gleich dem Höchsten hoch; der mit ruhmberühmte Ruhme // heist der Himmelfürsten Fürst Regenbogen Sonnenblume» [12, S. 293]. / «Да почти равный Высочайшему из высоких; который с // (безгранично) знаменитой славой // Небесных князей Князем Радугой Подсолнухом».

Анастасиус Грюн (*Anastasius Grün*, 1808-1876 гг.) развивает мотив духовности в образе *Sonnenblume* в стихотворении «Fünf Ostern. 2.», где *подсолнух* становится символом христианского мира, скорбящего о Христе: «Wir knien jetzt an dem Grab, auf das in Thränen // Die Christenheit längst hielt den Blick gebannt, // So wie die Sonnenblume, die mit Sehnen // Gen Aufgang hält das Angesicht gewandt» [8, S. 134]. / «Мы на коленях теперь у могилы, к которой в слезах // Христианский мир долго взгляд обращает, // Как подсолнух, который с тоской (стремлением) // На восход лик поворачивает». И у Густава Фальке (*Gustav Falke*, 1853-1916 гг.) в стихотворении «Sonnenblumen» подсолнух сопутствует образу Христа: «Und von der Schulter unserm Herrn // Nickt schwankend der goldne Blätterstern, // Die Sonnenblume, voll erblüht, // Von einem himmlischen Leuchten umglüht» [7, S. 10]. / «И у плеча нашего Господа // Кивает покачиваясь золотая звезда из лепестков, // Подсолнух, полностью расцветший, // Небесным (райским) свечением освещён (накалён)».

Образ *Sonnenblume* становится символом отечества, патриархальности, родного дома, дома как безопасного, уютного места. В буколическом тексте Людвиг Козегартена (*Ludwig Gotthard Kosegarten*, 1758-1818 гг.) «Jucunde» в четвёртой эклоге «Die Nachfeyer» один из героев попадает в убогую деревушку (*die ärmlichen Hütten, eng und niedrig / жалкие хижинки, тесные и низкие*). Но ему пришлось по душе деревенские садики с подсолнухами и мальвой у каменных заборов: «Doch gefiel es die Gärtchen zu sehn, mit gewaltigen Steinen // Rings umschant, besäemt mit Sonnenblumen und Malven» [13, S. 163]. / «Но понравилось садики узреть, с мощными камнями // Вокруг вкопанными, окаймлёнными подсолнухами и мальвой».

В образе *Sonnenblume* наряду с мотивом патриархальности, тепла родного дома, идиллии жизни в немецкой литературе развивается и мотив любви. В шуточной оде «An die Sonne» Алоиз Блуммауэр (*Aloys Blumauer*, 1755-1798 гг.) называет *подсолнух* любовником солнца: «Sogar die Sonnenblume muß // Den Seladon ihr spielen, // Und stets nach ihr nur schielen» [5, S. 107]. / «Даже подсолнух должен // селадона ей играть (изображать), // И постоянно на неё только смотреть».

Эта поэтическая формула *солнце-подсолнух* так же, как и формула *Бог-подсолнух*, имеет корни в античной культуре. Наполнение этой формулы мотивом любви связано с образом Клитии, влюбившейся в Гелиоса и превратившейся в гелиотроп. Мифологический мотив послужил основой для баллады «Clytia und Phoebus» Людвиг Христофа Генриха Гёльты (*Ludwig Christoph Heinrich Hölty*, 1748-1776 гг.): «Von Liebesschmerzen aufgezehrt, // Ward endlich Clytia // Zur Sonnenblume. Hingekehrt // Gen Himmel stand sie da» [10, S. 13]. / «Любовной тоской изнурённая // Стала наконец Клития // Подсолнухом. Поворачиваясь // К небу стоял он (она) там».

Тематическая сетка *подсолнух – солнце – любовь* начальной строфы задаёт лирический тон всему стихотворению «Von Ihr» Юстинуса Кернера (*Justinus Andreas Christian von Kerner*, 1786-1862 гг.): «Sonnenblume, die in Wonne // Sich nach goldner Sonne sehnet, // Wird zum Bild der klaren Sonne, // Ihre Liebe sie verschönet» [11, S. 55]. / «Подсолнух, что в блаженстве (упоении) // К золотому солнцу стремится, // Становится образом ясного солнца, // Свою любовь он делает краше». Эдуард Мёрике (*Eduard Mörike*, 1804-1875 гг.) сочетает образ подсолнуха с образом весны в развитии мотива любви и надежды в стихотворении «Im Frühling»: «Der Sonnenblume gleich steht mein Gemüte offen, // Sehnd, // Sich dehnend // In Lieben und Hoffen. // Frühling, was bist du gewillt? // Wann werd ich gestillt?» [14, S. 684]. / «Подсолнуху же находится моя душа открытой, // Тоскуя, // Простираясь // В любви и надежде. // Весна, что ты желаешь? // Когда я успокоюсь?».

Но на стыке XIX-XX вв. образ *Sonnenblume* начинает наполняться минорными оттенками.

У Рихарда Демеля (*Richard Dehmel*, 1863-1918 гг.) в стихотворении «Klage» образ *Sonnenblume* подчёркивает мотив угасания жизни: «In diesen welken Tagen, // wo Alles bald zu Ende ist, // sturmzerfetzte Sonnenblumen // über dunkle Zäune ragen...» [6, S. 47]. / «В эти увядающие дни, // когда всё скоро кончено (всё скоро к концу идёт), // разорванные бурей подсолнухи // над тёмными заборами высятся...». С увядающими подсолнухами сравнивает церковные колокола Георг Гейм (*Georg Heym*, 1887-1912 гг.), развивая один из важных экспрессионистских мотивов Апокалипсиса в стихотворении «Verfluchung der Städte V»: «Dann zittern alle Glocken allzumal // In ihrem Dach, wie Sonnenblumen welk. // Und weit wie Kreuze wächst in goldner Qual // Der hohen Galgen düsteres

Gebälk» [9, S. 225]. / «Тогда дрожат колокола все как один // Под их кровлей (крышей), как подсолнухи увядшие. // И далеко как кресты высится (растёт) в золотом мучении // Высоких виселиц мрачные балки».

У Клары Мюллер-Янке (*Clara Müller-Jahnke*, 1860-1905 гг.) в стихотворении «Tote Blumen» мы встречаем, по всей видимости, единственный раз в немецкой литературе образ *мёртвого подсолнуха*, лежащего в куче мусора: «...liegt auf Scherben Schutt und Kehrlicht // – tief das Haupt in Staub gepreßt – // eine tote Sonnenblume» [15, S. 272]. / «Лежит на обломках мусора и отходов // – глубоко голову (главу) в пыль вжав – // мёртвый подсолнух». Очистительный сентябрьский дождь (*Septemberregen*), который пытается тщетно оживить цветок / *kann doch nimmer die Verwelkte neu beleben*, становится символом благородных, но бесполезных попыток изменить окружающий мир.

Переходя к образу *Sonnenblume* в лирике Тракля, напомним, что он встречается в восемнадцати лирических текстах и в этом отношении Тракль намного опережает многих поэтов. Естественным образом возникают вопросы: с чем связано такое отношение к *подсолнуху* и как отразилась традиция в наполнении этого образа?

Первое стихотворение в сборнике стихов Тракля, вышедшем при его жизни в 1913 г., в котором встречается *Sonnenblume* – «Im roten Laubwerk voll Guitaren...». Появляясь в первой строфе, этот образ в связке с образом жёлтых волос девушек и образом золотой тележки как метафоры солнца, на первый взгляд, должен вызывать положительную эмоцию умиротворения от картины вечера в деревне или городской окраине: «Im roten Laubwerk voll Guitaren // Der Mädchen gelbe Haare wehen // Am Zaun, wo Sonnenblumen stehen. // Durch Wolken fährt ein goldner Karren» [16]. / «В красной листве полной гитар // Девушек жёлтые волосы веют // У забора, где подсолнухи стоят. // Сквозь облака едет золотая тележка». Встречающиеся в следующих строфах образы притихших стариков / *verstummen die Alten*, сирот, сладким пением призывающих к вечерне / *die Waisen süß zur Vesper singen*, стирающих бельё женщин / *am Bache waschen noch die Frauen*, девушки, которая нравится лирическому герою / *die Kleine, die mir lang gefallen*, запахов хлеба и пряностей, опьяняющих голодного / *ein Duft von Brot und herben Würzen*, на первый взгляд, тоже вполне определённо создают картину безмятежного сельского пейзажа.

Однако некоторым диссонансом выступают два образа. Стих с образом мух следует за стихом, в котором звучит призыв к вечерне: «Die Waisen süß zur Vesper singen. // In gelben Dünsten Fliegen summen» [Ibidem]. / «Сироты сладко к вечерне поют. // В жёлтых испарениях мухи жужжат». А в заключительной строфе образ воробьёв, слетающихся на гниль, антитетически предваряет образ голодного: «Vom lauen Himmel Spatzen stürzen // In grüne Löcher voll Verwesung» [Ibidem]. / «С тепловатого (остывающего) неба воробьи устремляются // В зелёные дыры полные тления (разложения)».

В таком контексте образ *Sonnenblume* может прочитаться как символ *жизни*, сквозь которую, при этом, проступают пока не явные следы неизбежной *смерти*. Подобная картина, в которой Тракль, неожиданно для читателя-современника, насыщает лирический пейзаж родной стороны приметам распада и предчувствия смерти, встречается в стихотворении «In der Heimat». Образ наслаждающегося своим золотом расплывающегося *подсолнуха* / *sehr still genießt Ihr Gold die Sonnenblume und zerfließt* вне контекста выглядит вполне традиционно как «тёплый» символ жизни. Но *подсолнух* в этом стихотворении – поэтический контрапункт в окружении доминирующих пессимистических образов: большие окна / *krankte Fenster*, старая, чёрная и пустынная площадь / *ein alter Platz... schwarz und wüst*, гниющие помои / *im Spüllicht treibt Verfallnes*, приближающаяся беда / *nahes Unheil* [Ibidem].

Далее мы постараемся показать, что *смерть* – значимый мотив лирики Тракля и одна из доминант в его метафизических поисках – отражается в образе *Sonnenblume*.

Обратимся в начале к тем стихотворениям Тракля, в названии которых встречается слово *Sonnenblume*. Неоконченное стихотворение «Sommer. In Sonnenblumen gelb klapperte...» открывается странной картиной лета, в которой читателю если и предстают подсолнухи, то в них громыхает прогнивший скелет, сад чахнет, а старая бузина источает уныние: «Sommer. In Sonnenblumen gelb klapperte morsches Gebein, // Sank zu jungen Mönchen der Abend des verfallenen Gartens hinab // Duft und Schwermut des alten Hollunders...» [Ibidem]. / «Лето. В подсолнухах жёлто (жёлтых) громыхает гнилой скелет, / Опускается к юным монахам вечер чахнувшего сада / Аромат и печаль (уныние) старой бузины...».

Связь звуковой структуры слова с характером образности в поэтике Тракля на примере *Sonnenblume* и *Hollunder* отмечает Н. В. Пестова. В исследованиях, на которые она опирается, вокальная звуковая палитра упорядочена и размещена в сферах светлого и темного: от самого темного *и* через *о*, *а* затем их умлаутированные варианты *ие*, *ое*, *ае* до самых светлых *і*, *е*, т.е. от гласных заднего ряда к гласным переднего ряда. По мнению Н. В. Пестовой, все любимые деревья и растения Тракля «оказались *темными*: *Holunder*, *Ulme*, *Buche*, *Sonnenblume*, и темные гласные сосредоточились в основном в словах с женской концовкой, в восходяще-нисходящей модуляции тона. Своей звуковой символикой, в значительной степени позаимствованной у Рембо, Тракль поддерживает смысл слова, а на антитезе светлого и темного выстраивает свои образные миры и антимир» [4, с. 367].

Один из ключей к пониманию образа *Sonnenblume* Тракль размещает в одноимённом стихотворении «Die Sonnenblumen»: «Ihr goldenen Sonnenblumen, // Innig zum Sterben geneigt, // Ihr demutvollen Schwestern // In solcher Stille // Endet Helians Jahr // Gebirgiger Kühle. // Da erleicht von Küssen // Die trunkne Stirne ihm // Inmitten jener goldenen // Blumen der Schwermut // Bestimmt den Geist // Die schweigende Finsternis» [16]. / «Вы жёлтые подсолнухи, // Глубоко в смерть склонённые (к смерти склонные, благосклонные), // Вы смиренные сёстры // В таком (подобном) безмолвии // Кончается Гелиана год // Гористой прохлады. // Вот бледнеет от поцелуев // Опьянённый лоб (чело) его // Среди тех золотых // цветов (цветков) печали (меланхолии) // Определяет (наполняет) дух (душа) // Безмолвная тьма (мрак)».

Траклъ прямо называет *подсолнух* цветком печали; у него этот символ жизни наполнен неизбежностью смерти, при этом жизнь не только изначально предрасположена к смерти, но и смиренно стремится к ней. Завершающийся год Гелиана, одного из важных образов лирики Траклъ, становится метафорой завершающейся земной жизни. Приближение смерти – опьяняющие поцелуи, наполняющие душу безмолвием тьмы или ада.

Несмотря на герметичность поэтики Траклъ, ключи к её пониманию и, в частности, к пониманию образа *Sonnenblume* можно попытаться отыскать, сравнивая разные редакции одного и того же стихотворения (при этом, в зависимости от изучаемого образа, разные редакции могут оцениваться и как разные стихотворения). Например, во второй редакции стихотворения «Wind, weiße Stimme...» Траклъ называет *подсолнух* цветком осени / *die gelben Blumen des Herbstes* и завершает текст отдельно стоящим стихом: «Erwachend umflattern den Schläfer kindliche Sonnenblumen» [Ibidem]. / «Очнувшись (проснувшись) развеваются (порхают) вокруг спящего по-детски (детские) подсолнухи».

Герметичность метафоричного образа *kindliche Sonnenblumen* даёт возможность появления различных толкований и самого образа *подсолнух*, и образа *спящего*. Но в первой редакции этот стих не является завершающим, а в предпоследнем стихе возникает расшифрованный самим поэтом образом *смерти*: «O Tod! Der kranken Seele verfallener Bogen Schweigen und Kindheit» [Ibidem]. / «O смерть! Больной души разрушающая арка молчание и детство». Обнаруженная в первой редакции поэтическая связка *Tod / смерть – Bogen / арка – Kindheit / детство – kindliche Sonnenblumen / детские подсолнухи* представляет *смерть* как проход или окно (*арка*) в иную реальность; и это даёт ключ и к неожиданному пониманию образа *подсолнух* не только как символа жизни, но и как цветка смерти, и к толкованию образа *спящего* как угасающей жизни, когда смерть возвращает душу к её чистым истокам, метафорически названным *Kindheit / детство*.

О. Базиль отмечает, что вопросом, был ли Траклъ одержим смертью, занимались и занимаются разные психологи и философы [2, с. 20]. Действительно, поэт во многих стихотворениях обращается к теме смерти, и часто эта тема пропитана переживанием ужаса перед ней. Но образная система таких стихотворений, как «Wind, weiße Stimme...», раздвигает границы наших представлений об отношении Траклъ к смерти. Переживая в своих стихах достоверность смерти и следующий за ней мрак, поэт сам не хочет верить в такой исход и пытается убедить, прежде всего, самого себя в том, что за смертью следует некое состояние, состояние грёзы / *Traum*, как, например, в стихотворении «Nachtergebung»: «...Und zum Grabe wird der Raum // Und zum Traum dies Erdenwallen» [16]. / «...И к могиле (могилой) становится космос (пространство) // И ко сну (грёзе, иллюзии) эта жизнь (жизненный путь)». Хотя в процитированном стихотворении образа *Sonnenblume* нет, он присутствует в его ранней (второй) редакции «Anblick» и развивает мотив угасания жизни, наполненный светлой печалью: «Stirne blutet sanft und dunkel // Sonnenblume welkt am Zaun // Schwermut blaut im Schoß der Frau; // Gottes Wort im Sterngefunkel!» [Ibidem]. / «Чело (лоб) багровеет нежно и темно // Подсолнух вянет у забора // Печаль синее в лоне женщин; // Божье слово в звёздном сверкании!».

Здесь *подсолнух* вянет, а в более мрачном стихотворении “Unterwegs”, которое открывается стихом «Am Abend trugen sie den Fremden in die Totenkammer» / «Вечером внесли они чужака (постороннего) в мертвецкую», он чахнет, гибнет: «...Umdüstert vom Schlummer des Laubs, // dem dunklen Gold verfallener Sonnenblumen» [Ibidem]. / «...Омрачённый дремотой листья, // тёмным золотом зачахших подсолнухов».

Поэтическая связка *подсолнух – солнце*, усиливающая мотив жизни как предуготовления к смерти, встречается и в других лирических произведениях Траклъ. В стихотворении «Melancholie» название становится ключом не только к смыслам присутствующих в этом тексте образов, но и к толкованию подобных образов в других стихотворениях поэта и пониманию меланхолии, одного из главных мотивов лирики Траклъ: «...Der Garten braun und kalt. // Die Aster friert, am Zaun so zart gemalt // Der Sonnenblume Gold schon fast zerflossen» [Ibidem]. / «...Сад коричневый и холодный. // Астра мёрзнет, у забора так нежно нарисовано // Подсолнуха золото уже почти растаявшее (расплавившееся)».

Отметим, что ранние редакции стихотворения «Melancholie» с названиями «Leise» и «Melancholia» ощущаются мрачнее, когда *подсолнух* вместо *золотого* приобретает *чёрный* оттенок: «...Asterne, die verstarben // Und Sonnenblumen schwärzlich und verwitert...». / «...Астры, которые умерли // И подсолнухи черноватые и обветренные...». Примечательно, что и в работе над стихотворением «Afra» Траклъ изменяет цветовую палитру образа *Sonnenblume*. В первом варианте под названием «Abendspiegel» золотой цвет *подсолнуха* сочетается с *чёрным* (Sic!) цветом *пламени* и это напоминает цветовое решение в ранних вариантах стихотворения «Melancholie»: «...Schwärzliche Flammen // Verscheucht ein Schritt in feuchter Abendkühle // In dunkelgoldner Sonnenblumen Rahmen...» [Ibidem]. / «Чернеющее пламя // пугает шаг в сырой вечерней прохладе // В тёмно-золотой подсолнухов рамке...». В окончательном варианте стихотворения под названием «Afra» Траклъ опять же смягчает настроение и заменяет *чёрный* и *золотой* цвета жёлтым: «...Gebet und Amen // Verdunkeln still die abendliche Kühle // Und Afras Lächeln rot in gelbem Rahmen // Von Sonnenblumen...» [Ibidem]. / «...Молитва и аминь // затемняют тихо вечернюю прохладу // И Афры улыбка красная (красно) в жёлтой раме // Подсолнухов...».

Золотой цвет в представлении образа *подсолнух* можно встретить и в лирическом прозаическом тексте «Traum und Umnachtung»: *golden sanken die Sonnenblumen über den Zaun des Gartens* / цвета золота склоняются подсолнухи над забором сада. И здесь мы находим новую черту в представлении образа: *склоняющийся подсолнух* [Ibidem]. Траклъ рисует *подсолнух* склонённым и в поэтических текстах. Стихотворение «Die Verfluchten», как и «Afra», Траклъ посвятил падшим женщинам и в последнем стихе поэт называет имя лирического героя, выбранное поэтом по прямой ассоциации с Соней Мармеладовой из романа Достоевского «Преступление и наказание»: *Sonja lächelt sanft und schön* [Ibidem] / Соня улыбается нежно и прекрасно.

Как отмечает О. Базиль, проститутки были для Траклъ «выше и значительнее, чем секс; они были символом “униженных и оскорблённых”» [2, с. 117]. В первой части стихотворения, где Траклъ рисует главную

героиню посторонней в мире пошлых радостей и святой (*ein Heiligenschein auf jene Kleine fällt* / ореол святости на ту малютку падает), мы опять находим склоняющийся над забором *подсолнух*: «Aus einem Laden rinnt ein Duft von Brot // Und Sonnenblumen sinken über'n Zaun» [16]. / «Из лавки (магазина) сочится аромат хлеба // И подсолнухи склоняются над забором». То, что этот образ Тракль использует как выражение своего сочувствия и преклонения перед страданиями отвергнутых обществом женщин, подтверждает стихотворение «Sonja», напрямую обращённое к героине Достоевского: «Sonnenblume, sanftgeneigte // Über Sonjas weißes Leben» [Ibidem]. / «Подсолнухи, нежно склонённые // Над Сони белой жизнью». Не склонённым, а *развевающимся подсолнухом* Тракль украшает образ девицы как символа непорочности в стихотворении «Psalm»: «Stille; in langsamen Händen verbirgt die hyazinthe Stirne die Magd // Unter flatternden Sonnenblumen» [Ibidem]. / «Покой (безмолвие); в неторопливых руках прячет гиацинтового чело дева // Среди развевающихся подсолнухов».

Лишь раз нам встретился образ *сияющего подсолнуха* в картине осени стихотворения «Im Herbst». Тёплая лирическая атмосфера создаётся не только этим образом, открывающим текст, но и описанием женщин, поющих во время работы на поле / *im Acker müh'n sich singend die Frau'n*, звоном монастырских колоколов / *die Klosterglocken läuten darein*, древних сказаний, которые напевают птицы / *die Vögel sagen dir ferne Mär'*, нежными звуками скрипки / *vom Hof tönt sanft die Geige her*. Не совсем гармоничным в этом ряду может показаться на первый взгляд образ *больных*, который следует сразу за *подсолнухом*: «Die Sonnenblumen leuchten am Zaun, // Still sitzen Kranke im Sonnenschein» [Ibidem]. / «Подсолнухи сияют у забора, // Тихо сидят больные в солнечном свете».

Этот образ *сияющего подсолнуха* в контексте стихотворения можно было бы воспринять как жизнеутверждающий мотив выздоровления, но два завершающих стихотворение стиха заставляют отказаться от такой трактовки: «Weit offen die Totenkammern sind // Und schön bemalt vom Sonnenschein» [Ibidem]. / «Широко открыта мертвецкая // И красиво окрашена солнечным светом». В этой концовке звучит характерный для поэтики и метафизики Тракля мотив неизбежной смерти. *Больные*, сидящие на солнце, становятся символом смертного человека и рода людского.

Итак, мы видим, что в творчестве Тракля в образе *Sonnenblume* не развивается сложившийся в предыдущие поэтические эпохи мотив любви. Нет в нём и явной связи с образом Бога. Из всех наполнений образа *Sonnenblume*, сложившихся в немецкой литературе, Тракль даже не развивает, а перекодирует поэтическую формулу *подсолнух-жизнь* в *подсолнух-смерть*, где смерть как парение в видениях. В этом отношении можно увидеть, что Тракль наделяет схожими чертами образ *Sonnenblume* и образ *Mohn* / мак с его парадигмой *сон-забвение-смерть* [3]. Отличие состоит в том, что если, говоря поэтическим языком, мак для Тракля – это средство передвижения на пути к смерти как иной форме существования, то *подсолнух* – вывеска на конечной станции.

Список литературы

1. Арзамасов А. А. Образы и мотивы природы в поэзии Т. Черновой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51). Ч. I. С. 34-39.
2. Базиль О. Георг Тракль. Челябинск: Урал LTD, 2000. 393 с.
3. Крашенинников А. Е. Мак как поэтическая эмблема Георга Тракля // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. № 3 (2). С. 111-116.
4. Пестова Н. В. Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. Екатеринбург: УГПУ, 2002. 463 с.
5. Blumauer A. Sämtliche Gedichte. München: Fleischmann, 1830. 288 S.
6. Dehmel R. Weib und Welt. Berlin: Schuster und Loeffler, 1896. 149 S.
7. Falke G. Ausgewählte Gedichte. Hamburg: Alfred Janssen, 1908. 96 S.
8. Grün A. Gesammelte Werke. Berlin: Grote, 1907. Bd. 3. 346 S.
9. Heym G. Dichtungen und Schriften. Gesamtausgabe. Hamburg – München: Ellermann, 1964. Bd. 1. 845 S.
10. Höltz L. Ch. H. Sämtliche Werke. Weimar: Gesellschaft der Bibliophilen, 1914. Bd. 1. VIII+324 S.
11. Kerner J. Werke. Hildesheim – Zürich – N. Y.: Georg Olms Verlag, 1998. Bd. 1. XXII+842 S.
12. Klaj J. Redeoratorien und «Lobrede der Teutschen Poetry». Tübingen: Niemeyer, 1965. 416 S.
13. Kosegarten L. G. Dichtungen. Greifswald: Universitätsbuchhandlung, 1824. Bd. 2. VIII+232 S.
14. Mörike E. Sämtliche Werke in zwei Bänden. München: Winkler, 1967. Bd. 1. 1132 S.
15. Müller-Jahnke C. Gedichte. Berlin: Vorwärts; Hans Weber, 1910. 289 S.
16. Schmitt W. Werschs Webseiten für Georg Trakl [Электронный ресурс]. URL: <http://www.literaturnische.de/Trakl/index-trakl.htm> (дата обращения: 11.11.2015).
17. Tersteegen G. Geistliches Blumengärtlein. Stuttgart: J. F. Steinkopf, 1956. 680 S.

CONVERSION OF THE IMAGE «SONNENBLUME» (SUNFLOWER) IN THE LYRICS BY G. TRAKL

Krashenninikov Andrei Evgen'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Northeastern State University
kroschke@yandex.ru

Despite the fact that the scientific interest to various sides of the creative work by G. Trakl doesn't weaken, some aspects of his poetry remains insufficiently studied. One of such aspects is the system of flowers' images, playing an important role in the creative work and metaphysics of the poet. The paper considers the innovative character of the representation of a sunflower image in the lyrics by G. Trakl in the context of history of the German literature. For comparison the analysis of poetic movements from protestant mystics and baroque to naturalism and expressionism is given.

Key words and phrases: the creative work of G. Trakl; poetry; expressionism; the system of poetic images; innovation.